5 марта — день памяти Анны Андреевны АХМАТОВОЙ

ПАМЯТИ АХМАТОВОЙ

I

Ахматова двувременной была.
О ней и плакать как-то не пристало.
Не верилось, когда она жила,
не верилось, когда её не стало.

Она ушла, как будто бы напев
уходит в глубь темнеющего сада.
Она ушла, как будто бы навек
вернулась в Петербург из Ленинграда.

Она связала эти времена
в туманно-теневое средоточье,
и если Пушкин — солнце, то она
в поэзии пребудет белой ночью.

Над смертью и бессмертьем, вне всего,
она лежала, как бы между прочим,
не в настоящем, а поверх него,
лежала между будущим и прошлым.

И прошлое у гроба тихо шло
не вереницей дам богоугодных.
Седые челки гордо и светло
мерцали из-под шляпок старомодных.

Да, изменило время их черты,
красавиц той, когдатошней России,
но их глаза — лампады доброты —
ни крутоверть, ни мгла не загасили.

Шло будущее, слабое в плечах.
Шли мальчики. Они себя сжигали
пожаром гимназическим в очах
и в кулаках тетрадочки сжимали.

И девочки в портфельчиках своих
несли, наверно, дневники и списки.
Всё те же — из Блаженных и святых —
наивные российские курсистки.

И ты, распад всемирный, не убий
ту связь времён, — она ещё поможет.
Ведь просто быть не может двух Россий,
как быть и двух Ахматовых не может.

II

Ну, а в другом гробу, невдалеке,
как будто рядом с Библией частушка,
лежала в белом простеньком платке
ахматовского возраста старушка.

Лежала, как готовилась к венцу,
устав стирать, мести, скрести и штопать,
крестьянка по рукам и по лицу,
а, в общем, домработница, должно быть.

Быть мёртвой — это райское житьё.
За ней так добро люди приглядели,
и словно перед праздником дитё,
и вымыли и чисто приодели.

Цветами её, правда, не почли,
но был зато по мерке гроб подогнан,
и дали туфли, новые почти,
с квиточками ремонта на подошвах.

Была она прощающе ясна
и на груди благоговейно сжала
сухие руки, будто бы она
невидимую свечку в них держала.

Они умели в жизни всё уметь
(писали, правда, только закорюки),
тяжёлые и тёмные, как медь,
ни разу не целованные руки.

И думал я: а может быть, а вдруг,
но всё же существуют две России:
Россия духа и Россия рук —
две разные страны, совсем чужие?!

Никто о той старушке не скорбел.
Никто её в бессмертные не прочил.
И был над нею отстранённо бел
Ахматовой патрицианский профиль.

Ахматова превыше всех осанн
покоилась презрительно и сухо,
осознавая свой духовный сан
над самозванством и плебейством духа.

Аристократка? Вся оттуда, где
под рысаками билась мостовая!
Но руки на цветах, как на воде,
покачивались, что-то выдавая.

Они творили, как могли, добро,
но силы временами было мало,
и, лёгкое для Пушкина, перо
с усмешкой пальцы женские ломало.

Забыли пальцы холодок Аи,
и поцелуи в Ницце, Петербурге,
и, на груди сведённые, они
крестьянскою усталостью набухли.

Царица без короны и жезла,
среди даров почтительности тусклых,
была она прощающе ясна,
как та старушка в тех дарёных туфлях.

Ну, а старушка в том, другом гробу
лежала, не увидевшая Ниццы,
с ахматовским величием на лбу,
и между ними не было границы.

Евгений Евтушенко

Анна Андреевна Ахматова (в девичестве — Горенко, по первому мужу Горенко-Гумилёва, после развода взяла фамилию Ахматова, по второму мужу Ахматова-Шилейко, после развода Ахматова) 11 (23) июня 1889, Одесса, — 5 марта 1966, Домодедово, Московская область) — русская поэтесса, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Номинант на Нобелевскую премию по литературе (1965).

Её судьба была трагична. Репрессиям были подвергнуты трое близких ей людей: первый муж, Николай Гумилёв, был расстрелян в 1921 году; третий муж, Николай Пунин, был трижды арестован и погиб в лагере в 1953 году; единственный сын, Лев Гумилёв, провёл в заключении в 1930—1940-х и в 1940—1950-х годах более 10 лет. Горе жён и матерей «врагов народа» было отражено в одном из наиболее значительных произведений Ахматовой — поэме «Реквием».

Признанная классиком отечественной поэзии ещё в 1920-е годы, Ахматова подвергалась замалчиванию, цензуре и травле (включая постановление ЦК ВКП(б) 1946 года, не отменённое при её жизни), многие произведения не были опубликованы на родине не только при жизни автора, но и в течение более чем двух десятилетий после её смерти. В то же время имя Ахматовой ещё при жизни окружала слава среди почитателей поэзии, как в СССР, так и в эмиграции.

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

* * *

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поёт судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

* * *

Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего — в уста.

1946 Москва

* * *

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный.
И с той поры великопостный звон
Все семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой.
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не возвратиться…

/1920-е годы/

* * *

Кого когда-то называли люди
Царём в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит — и Чьё орудье пытки
Согрето теплотой моей груди…

Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли.
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утёс, —
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти всё готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.